

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Внегерманские государства до начала XV в. — Церковные отношения. — Джон Уиклиф в Англии

Если при изложении истории средних веков периода от возникновения германского владычества на итальянской почве до так называемой немецкой Реформации принимать Германию за центр, а остальные земли и народности рассматривать по степени их к ней отношения, то это вполне оправдывается в то время, когда *Римская империя* осуществляла идею связи всех европейских государств. Нельзя умалять значения нравственной силы этой идеи. Она сообщала европейским народам чувство солидарности, принадлежности к одному политическому целому на основе христианской веры, вместе с тем поддерживая сознание связи с прошлым, что составляет не менее важный момент и средство для преуспевания человечества на пути к высшему духовному развитию. С другой стороны, этому единению способствовала *церковная идея*, и даже в более глубоко проникающей степени: благодаря католическому вероисповеданию все европейские народы чувствовали себя чем-то единым и в то же время звеньями цепи, тянущейся из отдаленнейших веков. Понятие о том, что императорская корона могла получаться лишь в Риме, а коронавание совершаться только высшим представителем церковного единства, имело глубокий смысл. Исторические события предоставили *германским королям* право на эту корону, из чего следовало их близкое отношение с Италией. Поэтому история Европы оставалась долгое время продолжением истории Римского государства.

Римская империя в XIV в.

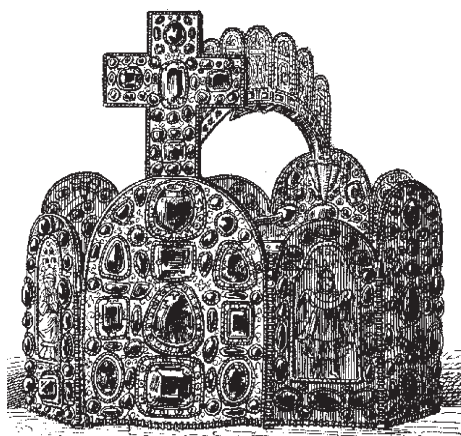
В ту эпоху название Римской империи еще сохранялось; то один, то другой германский король, правивший с 1273 по 1410 г., получал императорский титул обычным путем. Но этот титул подразумевал теперь только достоинство, почетное положение, налагал известные почетные обязательства, не даруя дальнейших прав и могущества. Другие короли были такими же государями, как и этот император. Другие государства — Англия, Франция, Швеция, Польша — успели, кто больше, кто меньше, достигнуть действительного государственного единства, а на его основе и национального сознания. Иногда сильное национальное чувство способствовало созданию твердого государственного единства. Но Германия и Италия не доросли до этого, и главная ошибка заключалась именно во всеобъемлемости притязаний, заявляемых императорством и папством на почве своих прав.

Императорский титул в XIV в.

Поэтому необходимо взглянуть именно с этой точки зрения на достижение главнейшими европейскими народами весьма несовершенной национальной государственности. Старейшее из европейских государств, *Восточная Римская империя*, или *Византия*, имеет мало значения: хотя порой казалось, что крестовые походы должны сблизить западные народы с христианским населени-

Восток. Византийская империя.

ем этих древних стран, однако последствием этого сближения было еще больше выросшее отчуждение Запада от Востока. В 1261 г. император *Михаил VIII* вернулся в Константинополь и вернул себе корону. Его попытки к соединению с латинской церковью, желательному с политической стороны, вызвали лишь сопротивление в среде народа и духовенства, и сын *Михаила Андроник II* (1282–1328) вынужден был уничтожить все следы таких попыток к сближению.



Большая императорская корона Священной Римской империи, т. н. корона Карла Великого. Работа IX или X в. Скоба-завершение добавлена в XIII в.

В Малой Азии могущество османских турок быстро возрастало. Население и правительство были уже не в силах противостоять воинственному пылу этих варваров, а средства, направленные против них, обратились во вред большому государственному организму. Итальянские и испанские наемники византийских императоров, известные под именем «*каталонцев*», действительно навели страх на турок под командованием своего вождя Рожера де Флора, но оказались не менее грозными и для подданных империи. Обыкновенное средство слабых — коварное убийство Рожера и его свиты в Адрианополе в 1307 г. — послужило тому, что его отряды основали в Галлиполи собственное военное или наемническое государство, вознаграждая себя за недоплаченное жалование

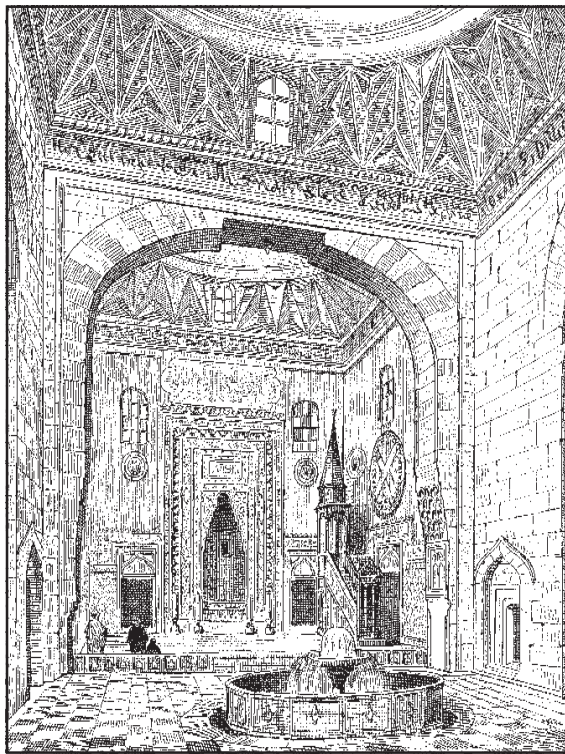
и презрение, которое питали к ним жители, обзывавшие их богохульниками и «варварами». Старые беспорядки продолжались. Андроник был лишен престола (1328 г.), и неудивительно, что уже при его преемнике *Андронике III* османы проникли в Малую Азию и *Орхан*, сын Османа (1326–1359), укрепил свое владичество в Бруссе. Дружба или вражда османов имели в Византии большой вес. При *Мураде I* (1360 г.) турки взяли Адрианополь, и падишах избрал его своей резиденцией, назначая столицу уже на европейской земле. Ввиду наступающей опасности *Иоанн V Палеолог* возобновил переговоры с папой в надежде на помощь с Запада. Он лично отправился в Рим (1369 г.) и был готов отступить от догматов, признающих святого Духа исходящим лишь от Отца, а не от Отца и Сына, от употребления пресного хлеба при таинстве причащения и других разногласий, разделявших восточную церковь с западной. Снова возникла проповедь на защиту Креста, но папа уже не властвовал над народом. Он вернулся в Авиньон, и было уже близко то время, когда папское единовластие, поддерживавшее связь между западными народами, должно было надолго ослабеть.

Последним подвигом *Мурада* был разгром сербов на *Косовом поле* (1389 г.). Его сын *Баязид I* (1389–1402) продолжал его завоевания. Он поко-

Османь.

рил Болгарию, Молдавию и Валахию, Фракию, Македонию, усилил боевые средства победоносного варварского народа новым войском «иени-чери» (*янычары*), ставшим вскоре самой грозной частью его армии. Строй воинственного государства был очень прост: после завоевания какой-либо области она делилась на лены между вождями, но без наследственной передачи, так что не создавалось дворянства, которое могло бы стать опасным для абсолютизма владыки. Каждый должен был начинать с низшей ступени, но каждый владелец лена, каждый «*тимар*» должен был быть готовым к священной войне. Об обработке земли собственным трудом в покоренной земле у этих варварских завоевателей не могло быть и речи. Все держалось военной организацией. Приказание верховного властителя передавалось двум беглербейам, европейскому и азиатскому; от них оно шло к бейам санджаков, от тех к алайбейам, вождям отрядов или сиаметам, и через них к отдельным начальникам (тимарли). Все тотчас же садились на коней и соединялись в полчище, являвшееся всепокрушающим орудием в руках верховного деспота. Кроме того, при главном войске находились конные наемники (спаги) и вновь образованная пехота (янычары), набравшаяся из отребья рода человеческого в покоренных странах. Оторванные с детства от родины, не имея с ней связи, завися только от милости падишаха, они считали своей родиной лагерь. Произвол властителя мог низвергать их во прах или же возвышать до верховного достоинства.

Ближайшей страной, которой теперь угрожал царствовавший султан по прозвищу Иылдырым («Молниеносный»), была *Венгрия*, в которой после смерти Андрея III в 1301 г. угас род Арпадов, а новая династия еще не могла утвердиться. Второй король *Анжуйской* династии, сын Карла-Роберта *Лайош* (Лю-

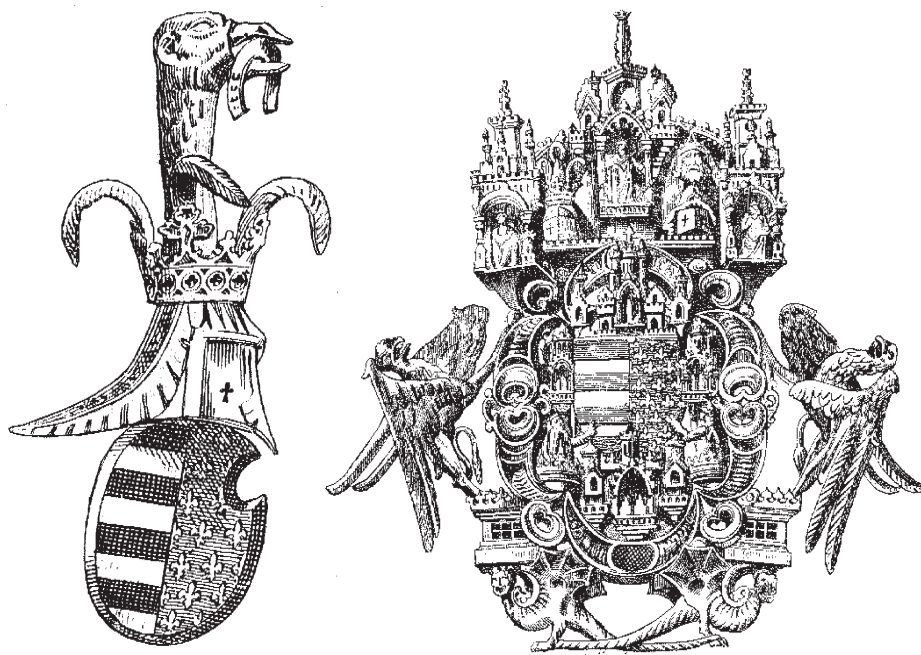


Интерьер Большой мечети в Бурсе.

Строительство мечети было начато Мурадом I (1360–1389), продолжено Баязидом I (1389–1402) и завершено Мехмедом I (1413–1421). Реконструкция Парвийе.

**Венгрия.
Бой при
Никополе.
1396 г.**

довик) Великий, успевший в течение своего 40-летнего царствования (1342–1382) ввести строгий порядок и законность в государственный строй и добиться процветания королевства, не оставил сыновей. Власть после долгих смут досталась мужу его дочери Сигизмунду Люксембургскому. Ему предстояла тяжелая задача дать отпор туркам, для этого он обратился за помощью к Западу. Действительно, еще раз произошло что-то вроде призыва к крестово-



Гербы Людовика Анжуйского, короля Венгрии.

Слева: геральдическая фигура и щит с гербом Анжуйской династии в Венгрии. Подарены Луи Анжуйским (королем Лайошем Венгерским) в 1342 г. собору в Аахене. Справа: герб Анжуйской династии в Венгрии, подаренный Лайошем Великим, королем Венгрии (1342–1382), он же — король Польши Людовик Венгерский (1370–1385), собору в Аахене.

му походу: отовсюду прибыли рыцари — английские, немецкие, преимущественно же французские и бургундские. Все они, соединясь с родосскими иоаннитами и мадьярскими, валахскими, болгарскими и сербскими воинственными племенами, составили общую армию в 60 тысяч человек. Битва произошла около крепости *Никополь* на правом берегу Дуная, которую обложил Сигизмунд. Баязид пришел на выручку с 200-тысячной армией, и если французские рыцари хвастались, что смогут подпереть своими рыцарскими копьями небо, если бы оно стало рушиться, то Баязид клялся, что обратит алтарь святого Петра в Риме в стойло для своего коня. Западные войска в полном блеске показали свою храбрость в этой битве при *Никополе* (1396 г.). Благо-

даря рыцарям, особенно французским, одна за другой отражались все атаки янычар. Но Баязид выдвинул 40-тысячный резерв, и западные войска не смогли устоять. Победа осталась за мусульманами. Сигизмунд, тщетно старавшийся исправить положение, спасся с трудом. Среди пленных в руки турок попал 16-летний оруженосец Ганс Шильтбергер, уроженец Мюнхена, который был очевидцем страшной кровавой расправы разъяренного варварского султана с



*Наказание знатных христианских пленников после битвы при Никополе.
Миниатюра из лицевой рукописной хроники Фруассара второй половины XV в.*

военнопленными. Та же участь ждала и юношу, но ему повезло, и он был помилован. После 30-летней жизни, полной всяких приключений, этот пропавший без вести человек вернулся в Мюнхен (1427 г.) и описал свои похождения в «басурманщине» на службе у султана. Знатные люди выкупались из плена. Через Венгрию потянулись выючные животные с дарами Карла VI Французского: тут были сокола из Норвегии, тонкие полотна из Реймса, ковры из Арраса с вытканными на них событиями из жизни Александра Великого. Все это везлось в столицу османского владыки. Но дальнейших последствий поражение не имело, потому что Баязид вынужден был поспешить обратно на Восток из-за грозившей ему там большой опасности и поэтому воздержался от дальнейших завоеваний в Европе.

Среди славянских восточных земель большого могущества достигло *Польское королевство*. Особенно значительным здесь было правление *Казимира Великого* (1333–1370), который заботился о защите сельского населения от всевластия знати и содействовал развитию городской жизни. Но положение страны было неблагоприятно для торговли, а немецкий элемент, которому покровитель-

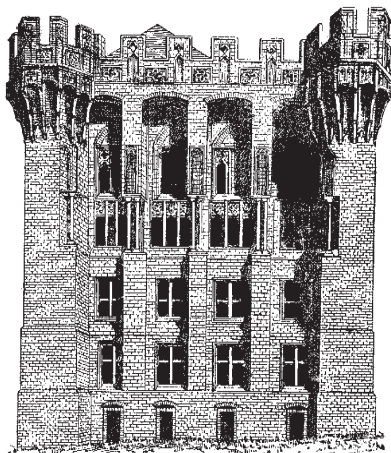
**Польское
королев-
ство.**



Шлем с геральдической фигурой и щит с гербом Польши.

Тевтонский орден.

Подарен собору в Аахене королем Венгрии Лайошем Великим (1342–1382), он же — король Польши Людовик Венгерский (1370–1385).



Резиденция великого магистра Тевтонского ордена в Мариенбурге (Мальборке). XIV в.

ствовал Казимир, не мог укрепиться здесь из-за ненависти поляков к немцам. При этом, благодаря поддержке князей и тяжелым экономическим порядкам в дворянских хозяйствах, всюду втерлись евреи, ставшие помехой честному заработку и возможности обеспечить свое существование для крестьян. Но Казимиру удалось присоединить Галицию, или Червонную Русь, к Польше, а в 1386 г. произошло плохое для Германии событие, изменившее отношения государств на востоке и северо-востоке Европы: Казимиру, не оставившему сыновей, в 1370 г. наследовал сын его сестры Лайош Великий, король Венгрии. После его смерти в 1381 г. дворянство высказалось в пользу его дочери Ядвиги, которая была коронована в Кракове в 1384 г., но должна была отказаться от брака с австрийским принцем герцогом Вильгельмом, потому что он был немцем, и вступила в брак с язычником, великим литовским князем *Ягайло*, который в благодарность за это принял христианство вместе со всем своим народом.

Так здесь образовалось могущественное государство, которое должно было прежде всего подавить *Тевтонский орден*, победоносно проникший в эти места. В первые 50 лет после своего прибытия сюда (1226 г.) орден вел тяжелую борьбу с населением и трудно возделываемой почвой, стараясь положить здесь начало высшей культуре. Рыцари получали при этом только разовую помощь от монахов, переселенцев и больших или малых владельцев, которые, не имея возможности выполнять свои обеты личным участием в крестовых походах, заменяли странствие в Святую землю другим, более полезным способом. Во время одного из таких походов сюда в 1255 г. прибыл чешский король Пржемысл II Отакар, в честь которого был основан город Краловец, позже Кенигсбург или *Кенигсберг*. В его свите находился

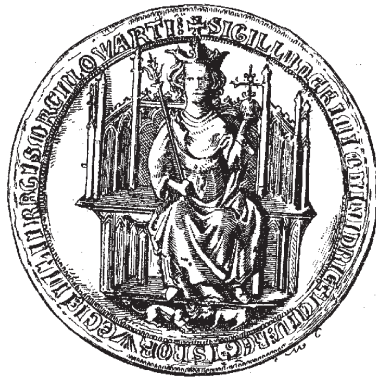
граф Рудольф Габсбургский, позже его победитель. Рыцари проникали дальше в страну, в 1237 г. соединясь с небольшим подобным орденом в Лифляндии — орденом Меченосцев. В том же году любекские горожане основали город *Эльбинг*. Благоразумные владельцы областей давали таким закладываемым городам муниципальные льготы (Кульмское право), и понемногу вид страны изменялся: вместо лугов и пустырей появлялись города, церкви, села, обработанные поля, гавани. Страна разделилась на 4 епархии. Власть епископов не была опасной для ордена, потому что замещение епископских кафедр находилось в его распоряжении, и папа, оставаясь верховным ленным владыкой, уважал особенности строя этого монашеского государства. Уже в середине XIII в. рыцари заключили договор с туземным населением, поставив первым условием введение христианства в стране. Каждый благородный пруссак мог быть рыцарем, и в 1283 г. выселением последнего туземного вождя в Литву борьба закончилась. Главным капитулом ордена в Марбурге в 1309 г. было принято важное решение, согласно которому резиденция гроссмейстера ордена переносилась из Венеции в Пруссию, становившуюся таким образом местом центрального управления. В сентябре того же года Зигфрид фон Фойхтванген, в то время гроссмейстер, переселился в *Мариенбург*. Орден занялся здесь обработкой земли, которая была разделена на 30 комтуров, или административных участков. Были сделаны попытки разведения виноградной лозы на этой неблагоприятной почве. Города Кульм, Торн (Торунь), Эльбинг, Данциг служили культурными центрами для округов. Ни крепостного права, ни евреев здесь не было. Благополучие страны возрастало благодаря союзу городов с Ганзой, орден занимался торговлей. Наступали времена, когда должны были дать себя почувствовать внутренние недостатки этого государства воинствующих монахов.



Ландграф Конрад Тюрингский (ум. в 1241 г.) в орденском облачении рыцарей Тевтонского ордена. Статуя с его гробницы в церкви святой Елизаветы в Марбурге.

Скандинавские государства. Норвегия.

Главным моментом в жизни *скандинавских государств* этого периода были их отношения между собой и к немецкой Ганзе. С развитием культуры возрастало и неравенство владения, знания и власти, что послужило образованию дворянства — насколько оно могло здесь образоваться, затем возросла власть этого дворянства. Так происходило и в *Норвегии*, но тут было лишь придворное и чиновное дворянство, лены оставались ненаследственными. В



Печать Эйрика II
Норвежского. Париж.
Национальный архив.

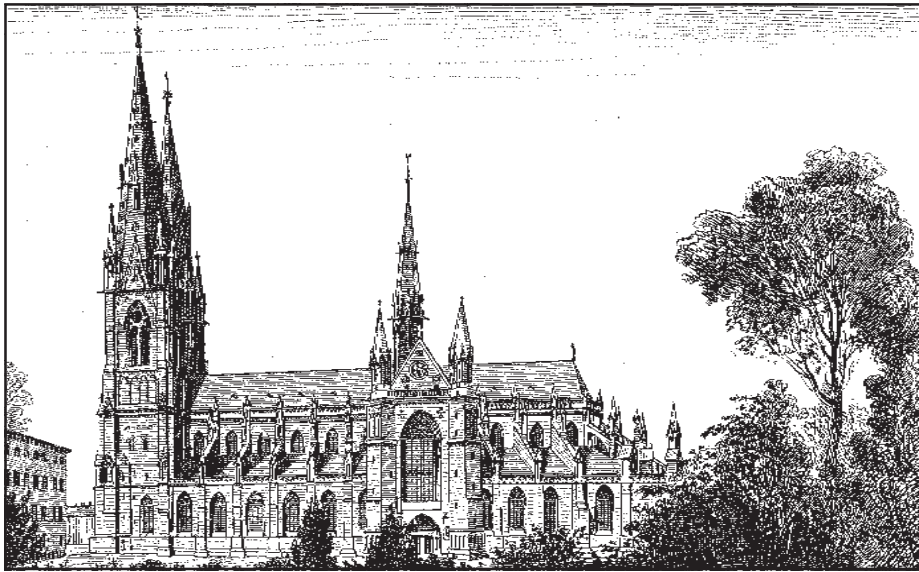
придворном штате короля *Магнуса* (1263–1280) значатся герцоги, графы, бароны, наместники. Магнус был назван «Исправителем Законов» (Лагабётер). Во время его мирного правления установился государственный строй. Но городской элемент не имел большого значения ни при нем, ни при его ближайших преемниках: *Эйрике II* (1280–1299), *Хоконе V* (1299–1319), *Магнусе VII Смеке* (1319–1355), *Хоконе VI* (1355–1380), *Олафе V* (1380–1387). Лежащий в благоприятной местности, на юго-западном берегу, Берген был главным торговым городом в редко населенной стране, служившей местожительством свободных поселян и не знавшей рабства. Норвегия никогда не достигала особенного значения, так что на все эти три северные государства можно смотреть как на одно це-

лое. В XIV в. действительно готовилось такое объединение, которое могло предоставить возможность этим трем народностям европейского Севера, столь похожим друг на друга своими существеннейшими свойствами и положением, хорошими качествами и недостатками, впервые получить большой вес в общечеловеческих судьбах.

После кончины *Хокона V* вымер древний норвежский королевский род. В это же время в *Швеции* Биргер, король из дома Фолькунгов, враждовавший со своими двумя братьями и отплативший им за прежнее предательство, тоже предательски убив их, был изгнан из королевства противной партией. Спустя два года его сын, наследник престола, был незаконно казнен, обвиненный в участии в преступлениях отца. Не оставалось больше никого, кроме несовершеннолетнего сына одного из убитых братьев, *Магнуса* Эриксона, считавшегося королем с 1319 г. и в том же году унаследовавшего *норвежскую* корону после смерти своего деда *Хокона V*. Вначале в обеих странах были учреждены регентства. Магнус стал править самостоятельно с 1333 г. Но Норвегия жаловалась на его пренебрежение, поскольку Магнус предпочитал Швецию для своего пребывания. Он назначил норвежским королем своего младшего сына *Хокона* (1355 г.), который лишил своего отца престола в 1361 г. и на короткое время соединил Швецию и Норвегию; потом снова помирился с отцом. В 1363 г. другая партия в Стокгольме избрала королем герцога *Альбрехта Мекленбургского*, который продержался некоторое время.

Третье государство, *Дания*, имело более непосредственное значение для прочей европейской истории, преимущественно для германской. В 1363 г. Вальдемар IV выдал свою 11-летнюю дочь *Маргариту* за Хокона Норвежского. Этой женщине удалось, хотя тоже ненадолго, составить федерацию или союз трех народностей. Вальдемар IV умер в 1378 г. после 60-летней жизни, богатой смелыми замыслами и искусными проектами, тревожно деятельной, но

Дания.
Кальмар-
ская
Уния.
1397 г.



Собор в Упсале (Швеция). Построен французским архитектором в XIV в.

совершенно бесплодной. Государство разделилось на мекленбургскую и норвежскую партии. Королем был избран Олуф, сын Хокона и Маргариты, которая была назначена регентшей. Ганза признала Олуфа датским королем. В 1380 г. умер его отец Хокон, норвежский король, и Олуф получил его корону. Он стал подписываться «Король Дании и Норвегии и действительный наследник шведского престола», но умер в 1387 г., не достигнув совершеннолетия — ему шел семнадцатый год. Королева Маргарита, показавшая себя хорошей регентшей, в обоих государствах была признана «княгиней и основательницей государства», без королевского титула. Она повела войну с Альбрехтом Мекленбургским, шведским королем, потерпевшим поражение при *Фальчёпинге* (1389 г.), взятым в плен и просидевшим в тюрьме г. Линдхольма 7 лет. Но Стокгольм долго сопротивлялся королеве, а мекленбургские герцоги и города Висмар и Росток поощряли позорные и пагубные бесчинства пиратов. Король Альбрехт был освобожден в 1395 г. благодаря посредничеству Ганзы. И тогда Маргарита без дальнейших затруднений достигла цели, к которой стремилась, — соединения трех северных государств. Она хотела утвердить их наследие за

детьми своей племянницы Марии, супруги одного померанского герцога. В Дании и Норвегии будущим королем был признан ее внучатый племянник, 14-летний Эрик. То же произошло и в Швеции: в шведском городе *Кальмаре* (в Смоланде) были созваны на риксдаг чины всех трех королевств, и здесь в 1397 г. была заключена знаменитая *Кальмарская уния*, согласно которой все три государства должны были править один король, причем каждое из них сохраняло свои законы и свое судебное право. Вражда между тремя королевствами прекращалась; иностранные дела и войны велись сообща. Общим было и избрание короля, но оно должно было ограничиваться королевскими сыновьями. Если король умирал бездетным, его место занимал «достоинейший» по общему выбору. В этом документе значилась большая держава от Ледовитого моря до Одера. Таким образом, здесь расширению Германии был положен конец, как и на ее восточных границах.

В числе государств *Западной Европы* пока не упоминается о находившихся на Пиренейском полуострове, поскольку они стали играть заметную роль в историческом прогрессе лишь с XV в., после изгнания мавров. Но прежде чем приступить к описанию великих событий этого столетия, необходимо указать на развитие английского и французского государств, оказавших большое

влияние на ход всемирной истории, особенно на знаменательное направление, которое приняли дела церковные. Идея национального государства нашла ревностного поборника в *Филиппе Красивом*, о столкновении которого с папой Бонифацием VIII было рассказано выше. Вследствие этой борьбы ему удалось завладеть самим папством. Папа *Климент V*, долго пребывавший во Франции, служил ему орудием против могущественного и богатого ордена *тамплиеров*, бывшего до этого одним из главных оплотов и украшений господствовавшей церковной системы и олицетворявшего собой самый блестящий период церковного владычества. Пребывание на Востоке, общение с сарацинами, политическая и иная безнравственность, царившая в тех христианских колониях еще со времен крестовых походов, непомерные богатства, которыми пользовался орден, наряду со сравнительной праздностью, к которой вынуждало рыцарей безнадежное положение дел в Святой земле, — произвели неблагоприятное воздействие на дух и нравы этой рыцарской общины, причем занимаемое орденом высокое положение развило высокомерие и распушенность в среде этих рыцарей. Ходили



Вверху: монеты Филиппа IV Красивого.
Внизу: монета папы Климента V (1305–1314). Париж. Нумизматический кабинет.

Западные
государства.
Франция.

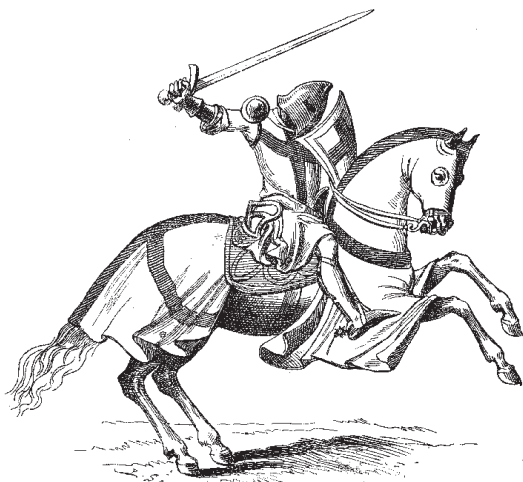
Филипп
Красивый и орден
тамплиеров.

слухи об их тайном отрицании и поношении святынь, об их ужасных кощунствах, чудовищных обрядах, языческих жертвоприношениях и противоестественных пороках. Король, которому недостаточно было его обыкновенных финансовых мер (обирания евреев и операции с чеканкой монеты), воспользовался этими слухами для начала судебного преследования, прикрывавшегося личиной религиозного усердия, но задуманного исключительно по политическим и финансовым соображениям, порожденным властолюбием и корыстью. Король при этом вполне мог надеяться на такого союзника, который всегда приходит на помощь при уличениях и преследованиях, касающихся религиозных вопросов: фанатизм, который, однажды пробужденный, готов верить всякому обвинению и тем охотнее, чем оно будет нелепее, находя чудовищное удовольствие в розыске виновных. Одной только возможности хотя бы и неправдоподобного преступления достаточно для ослепленных фанатизмом людей. Быть подозрительным или лишь заподозренным равносильно уличению в вине. В таком духе велось все расследование, так что бессмысленно разбирать хаос всех диких обвинений, среди которых невозможно определить, насколько они действительно соответствовали фактам. При господстве суеверия, фанатизма и чувственности в обществе не удивительно было, что некоторые лица доходили до нелепых заблуждений, кощунственного поклонения вымышленным богам. Но положительных данных для этого нет: видны только следы деспотического гнета, страх перед ним, несправедливость, корысть, жестокость. Секретными указами (14 сентября 1307 г.) административным лицам предписывалось арестовать всех рыцарей. Инквизиция принялась за это, применяя пытки со всей варварской утонченностью того времени, благодаря чему не было недостатка в признаниях во всех возможных и невозможных преступлениях. Папа, побуждаемый к этому королевской тиранией, в 1308 г. повелел подвергнуть розыску всех рыцарей Храма. Гроссмейстер ордена *Жак де Моле* был вызван с Кипра хитростью, и следствие над ним было поручено папским комиссарам. Процесс должен был принять дурной оборот, поскольку усложнялся другим обстоятельством. Король настоятельно напоминал папе Клименту о его обещании расследовать дела его предместника Бонифация VIII. Ради того, чтобы избавиться от тягостной обязанности обвинять папу в еретичестве и возможных грехах, Климент предал тамплиеров. На Вьеннском соборе в 1312 г. орден был объявлен уничтоженным и рыцари преданы суду. Некоторые из них, отрекшиеся от вырванных у них пыткой показаний на



Тамплиер в орденском облачении.

бывшем еще раньше соборе в Вьенне, были приговорены к сожжению как впавшие в ересь. 54 человека были уже сожжены перед парижскими воротами (1310 г.). Кровавая расправа завершилась: гроссмейстер, твердо отстаивавший дело своего ордена, был возведен на костер; имущество рыцарей было отобрано, часть его отдана иоаннитам и другим орденам, но значительнейшие богатства достались королю. На том же собрании папа Бонифаций, против



Преемни-
ки Фи-
липпа.

Тамплиер в полном вооружении конца XIII в.
Миниатюра из рукописи, хранящейся в библиотеке
Барберини. Рим.

На щите рыцаря, налатнике и попоне коня — красный
орденский крест.

которого его противники при-
водили такие обвинения, кото-
рые не уступали выставляемым
против тамплиеров (между
прочим, он якобы отрицал и
бессмертие души), был оправ-
дан от подозрений в ереси. По-
стыдный процесс против там-
плиеров, при котором церковь
заставила себя поразить плоть
от плоти своей, закончился тем,
что король со всем двором воз-
ложил на себя крест, как участ-
ник крестового похода, который,
по решению во Вьенне, должен
был состояться через 6 лет.

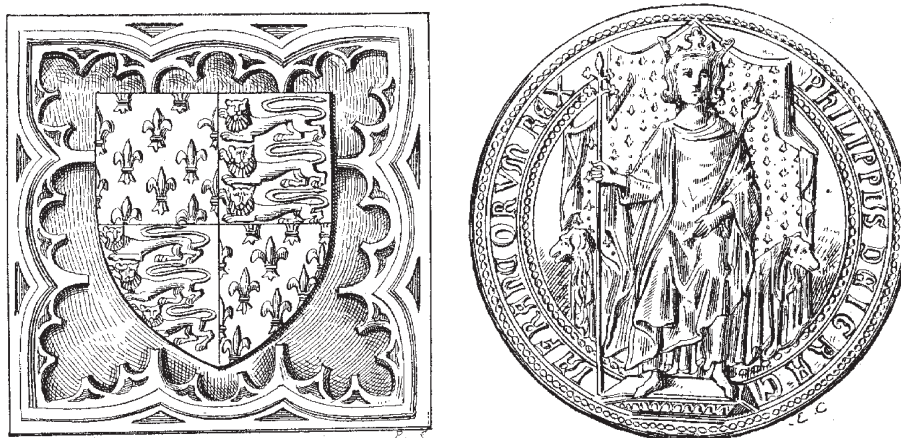
Королевская власть окреп-
ла при Филиппе: его указы
были более многочисленны,
проникнуты большим выраже-
нием безусловной воли, чем
распоряжения его предшествен-
ников. Кроме того, они были

направлены преимущественно против дворянства и духовенства, права кото-
рых постоянно страдали. Угодливая администрация старалась во всем поддер-
живать королевскую власть. Король, которому больше всего требовались деньги,
призвал на государственные съезды и представителей среднего сословия для
получения больших денег. Филипп умер в 1314 г. За ним быстро последовали
на престол и в могилу три сына: *Людовик X* (1314–1316), *Филипп V* (1316–
1322) и *Карл IV* (1322–1328). Владения французской короны при этих четы-
рех государях расширились: были присоединены графства Марш и Ангуама
(1308 г.), Бигор (1293 г.), город Лион (1311 г.); Фландрия оставалась завоева-
ванной. Но с кончиной Карла IV произошли события, имевшие огромное зна-
чение для главнейших западных государств — Англии и Франции.

Карл IV не оставил сыновей. Его двоюродный брат *Филипп*, граф *Валуа*,
был признан регентом. Когда у вдовы Карла спустя несколько месяцев роди-
лась дочь, то Филипп с согласия баронов принял королевский титул под
именем *Филиппа VI*, первого из Валуа. Но английский король *Эдуард III* тоже
имел притязания на французскую корону, будучи сыном одной из дочерей

Дом
Валуа.
1328 г.

Филиппа Красивого. Положительного закона, исключавшего женщин из французского престолонаследия, не существовало, и этот вопрос о правах был спорным. Но ни высшее сословие во Франции, ни народ не хотели подпасть под власть англичан. Из-за этого разгорелась большая война, продолжавшаяся в течение царствований самого *Филиппа VI* (1328–1350), *Иоанна II* (1350–



Слева: герб английских королей, претендующих на французскую корону после восшествия на престол Филиппа VI Валуа в 1328 г. С балюстрады в Вестминстер-холле. Справа: печать Филиппа VI Валуа.

1364), затем *Карла VI* (1380–1421) и *Карла VII*, т. е. целое столетие, истощая силы обоих народов.

Борьба между двумя странами, лежавшими по разные стороны пролива, не была чем-то новым, и спорный вопрос о престолонаследии был лишь поводом, а не основной причиной войны, к которой Эдуард III приступал теперь через довольно продолжительный срок после смерти последнего из старшей линии Капетингов. Война была объявлена с одобрения английского парламента, который при последних королях Генрихе III, *Эдуарде I* (1272–1307), *Эдуарде II* и теперь при *Эдуарде III* (1328–1377) стал неизбежной частью правления, хотя и не установился еще в окончательной форме.

У сына Генриха III *Эдуарда I* появилась честолюбивая мысль соединить под своим скипетром весь остров. Он победил *уэльского князя Ллевелина*, последнего из Уэльской династии, покорил область и искоренил здесь старый строй: вытеснил бардов, которые пользовались большим влиянием в стране как хранители древних обычаев и воззрений, польстил покоренным, дав своему сыну, рожденному на их земле, титул *принца Уэльского*, который сохраняют наследники английской короны (1282 г.). После этого он обратил свое оружие против *Шотландии*, заявляя на нее ленно-владельческие притязания. Спор двух соперничавших здесь домов, Брюсов и Балиолов, и других претендентов на

Англо-
француз-
ская война.

Англия
времен
Эдуарда I.
1272 г.



Печать Эдуарда I (1272–1307), короля Англии.

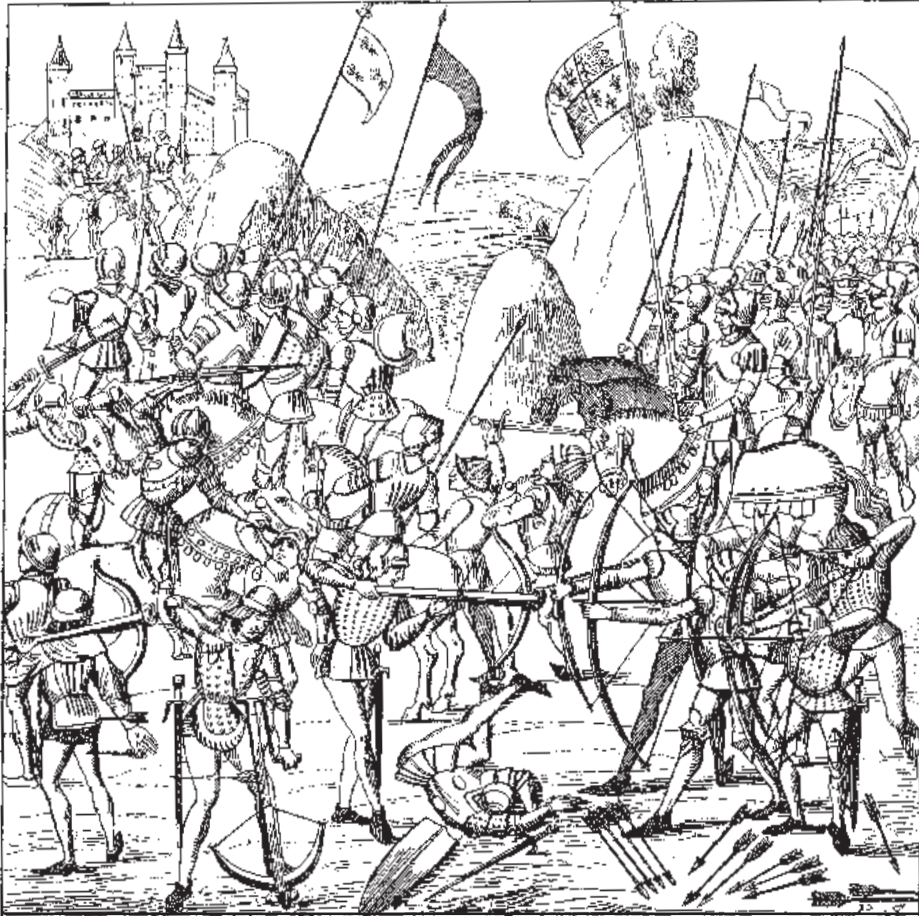


Эдуард II.
Парламент.

Эдуард II, король Англии (1307–1328). Статуя с его гробницы в Вестминстерском аббатстве.

шотландский престол Эдуардом был решен в пользу Джона Балиола. Но шотландцы, отстаивавшие свою независимость, не успокоились, и война вспыхнула снова, угрожая затянуться из-за помощи, которую шотландцам оказывали французы. Для такой борьбы требовались большие денежные средства, а могущественный и властолюбивый король мог добывать их лишь при помощи парламента, которому за это вынужден был делать уступки, далеко выходявшие за оговоренные Великой Хартией. В борьбе с папой Бонифацием VIII, с которым он столкнулся, как и его враг Филипп Красивый, потому что Бонифаций выдвигал претензии к Шотландии, считая ее леном церкви, Эдуард, как и Филипп, должен был искать опоры у парламента. И если такие уступки были сделаны энергичным, воинственным, гордым Эдуардом I, то его преемник, слабый *Эдуард II* теперь мог только покориться.

Парламент достиг теперь полного участия в деле законодательства: законы создавались с взаимного согласия короля, магнатов и общин, и при преемнике Эдуарда II *Эдуарде III* без утверждения законодательным порядком постепенно установился порядок созывать 4 государственных сословия: прелатов, баронов, рыцарей и горожан, — таким образом, что два первых сословия соединялись в *верхнюю палату*, а два последних (сельское дворянство и общины) — в *нижнюю*. В их обязанности входило ходатайство о народных нуждах перед государем. «Добрые люди королевства, пришедшие сюда, в парламент, просят господина нашего, короля, чтобы он, если ему будет угодно, бросил взгляд на своих бедных подданных, которые весьма скорбят, ибо правят ими не так, как должно...» (1309 г.). В таких униженных выражениях, подписываясь «мы, бедные и глупые общинники, взывая к нашему достославному и трижды милостивому государю», обращались общины к своему королю, хотя несомненно, что в это время они уже имели право постоянного голоса в решении не только внутренних, но и внешних вопросов. Энергия, с которой Эдуард III продолжал политику своего деда против Шотландии и Франции, вынуждала его часто созывать парламент. В течение его 50-летнего правления таких парламентских сессий было не менее семидесяти.



Битва при Креси. Миниатюра из лицевой рукописной хроники Фруассара второй половины XV в.

Война с Францией была благоприятна для англичан. Эдуард III имел значительное превосходство над французскими королями, как Филиппом, так и его сыном и преемником *Иоанном* (1350–1364). Он находил союзников во фландрских городах, не терпевших ни Филиппа, благоприятствовавшего знати, ни французского господства. Впрочем, война велась медленно, прерываясь продолжительными перемириями, переговорами, соглашениями, и лишь в 1346 г. около местечка *Креси* в графстве Понтье произошла большая битва между английской и французской армиями, которые находились под предводительством своих королей. Рыцарство проявило храбрость, специально обученные арба-

**Начало
Столетней
войны
между
Англией
и Фран-
цией.**

летчики действовали мастерски. Здесь было пушено в ход новое изобретение, первоначальное происхождение которого неизвестно, — бомбарды, заряжаемые порохом и пулями. Сражение закончилось поражением французов, которые после этого потеряли Кале. Было заключено перемирие, но для Франции наступили тяжелые времена: ужасная чума, свирепствовавшая на материке, не пощадила и ее. Из одной только большой парижской больницы *Hotel Dieu* ежедневно уносили на кладбища по 500 трупов. Как бывало уже не раз, началось чудовищное преследование евреев под предлогом того, что они отравляют колодцы. Недовольство росло, налоги, возбуждавшие ропот при Филиппе Красивом, увеличивались, и король *Иоанн*, прозванный «Добрый», но такой же посредственный, как и его отец, не мог помочь беде после своего вступления на престол в 1350 г. В 1351 г., после того, как истек последний срок продленного перемирия, снова вспыхнула война с Англией. Впрочем, вскоре наступило новое перемирие благодаря усилиям папы положить конец ожесточенной борьбе, повсюду сопровождавшейся варварским опустошением земель. Но в 1355 г. снова начались военные действия, и в июле 1356 г. при *Мопертюи*¹, в нескольких милях от Пуатье, произошла решительная битва, оказавшаяся для французов еще более пагубной, чем битва при Креси. Французский король попал в плен, и в тот же вечер ему за столом прислуживал его победитель принц Уэльский, «Черный принц», командовавший в этот день английскими войсками. Это поражение вызвало во Франции взрыв ожесточенного народного негодования против дворянства. В это время везде восстал плебейский элемент. Съезд северофранцузских сословий, созванный в Париже регентом дофином Карлом, заявил обширные притязания, и мятежная толпа под предводительством купеческого старшины *Этьена Марселя* ворвалась во дворец, излагая свои требования. Двое вельмож были убиты на глазах регента. Та же рознь между низшим сословием и дворянством обнаружилась и в провинции. Раздражение, вызываемое необходимостью жертвовать деньги на выкуп знати, больше всего виновной в понесенном поражении; пренебрежение, которое оказывалось дворянством крестьянству, угнетение крестьянства всякими наемниками — эти причины заставили престолярды (этого многотерпеливого Жака, «*Jacques Bonhomme*») поднять знамя дикого мятежа, который, быстро распространяясь, нашел удовлетворение в крови своих притеснителей и разграблении их имущества. Эта «*жакерия*» тоже была подавлена кровью, но анархия и междуусобицы не прекратились и при возобновлении войны с Англией. У французов впереди было мало хорошего: король Эдуард грозил на этот раз добиться своих прав. Однако благодаря посредничеству папы был заключен мир, носящий название мира в *Бретиньи*, по имени деревушки близ Шартра, где велись переговоры по этому поводу в 1360 г.

Мир в Бретиньи.

Мирные условия были тяжелыми. Король Эдуард отказывался от своих прав на корону, но зато присоединял к своим уже бывшим владениям целый ряд других во Франции: Пуату, Сентонж, Ла-Рошель, Перигор, Лимузен, а на северо-западе — графство Понтьё, город Кале с его округом, так что почти

¹ Сейчас обычно называется битвой при Пуатье.

треть современной Франции переходила под власть англичан. Король Иоанн вернулся домой; проснулись надежды на лучшие времена, но напрасно. Особой нагрузкой были изголодавшиеся наемные войска. Неодуманный обет о совершении крестового похода, данный королем папе, не мог помочь бедствиям страны, тем более что она лишилась одного из плодов своего прежнего преуспеяния из-за отделения *герцогства Бургундского*, лежавшего на запад от Соны: король отдал его своему младшему сыну Филиппу, взятому вместе с ним в плен при Мопертюи, в качестве наследственного лена от французской короны со всеми привилегиями прежних бургундских герцогов (1363 г.). В следующем году во время поездки в Лондон король Иоанн умер, оставив своему сыну *Карлу V* (1364–1380) много неразрешенных задач, из которых одной из самых неотложных и трудных было избавление страны от притеснений и разорения шайками наемных солдат. Впрочем, эти наемники скоро занялись настоящим делом, потому что Эдуард снова начал войну (1369 г.), поводов для которой у него было достаточно. В этот раз счастье ему изменило: он сам был уже не тем, что прежде. Он вернулся в Англию больным и в последние годы был подвержен влиянию корыстолюбивой женщины Алисы Перрерс. Его старший сын, на которого возлагались большие надежды, умер. Французский король Карл V оказался справедливым и способным правителем, нашедшим в этой борьбе сангличанами и их случайными союзниками превосходного помощника в



Черный принц Эдуард. Статуя с его гробницы в Кентерберийском соборе.

лице бретонца *Бертрана Дюгеклена*, обладавшего теми тактическими и стратегическими способностями, которых был лишен сам король. Дюгеклен отвоёвывал почти все, отнятое у Франции договором в Бретиньи. Но в 1380 г. он умер к несчастью для страны, для которой наступало самое бурное время: в



Англия с
1377 по
1400 г.

Монета Эдуарда III. Чеканена в Ла-Роше-ли. Париж. Нумизматический кабинет.



Карл V Французский передает офицеру королевское знамя, освященное аббатом Сен-Дени. По картине из собрания Ганьера.

мэр смелым ударом сшиб с ног государственного изменника, а молодой король воспользовался замешательством толпы, воскликнув: «Я сам буду вашим вождем!» Он поехал во главе сборища, брожение улеглось, и дело повернулось в хорошую сторону. Все произошло, как всегда при подобных восстаниях, затрагивающих большие народные массы, которыми движут лишь нужда и собственные страсти: какие-нибудь негодяи овладевают движением, и взбудо-

ней, также как и в Англии, честолюбие знати, толпившейся вокруг слабого правителя, должно было породить много смут.

Царствование Эдуарда III Английского, последние годы которого противоречили славе его прежних лет, закончилось в 1377 г. Он оставил престол 11-летнему мальчику, своему внуку *Ричарду II*, сыну принца Уэльского. Карлу V тоже пришлось оставить свой престол 10-летнему *Карлу VI*. Молодому королю Ричарду предстояла борьба с восстанием сельского населения, которое было сильно возбуждено вследствие постоянно возрастающих требований правительства на военные нужды, а также религиозных воззрений. Мятежники, составив огромное войско под предводительством кровельщика *Уота Тайлера*, яростно набросились на дворянство, требуя от него равные права на основании первобытного равенства всех людей. Они повторяли поговорку: «Когда Адам пахал землю, а Ева пряла, кто был тогда джентльменом?» В течение некоторого времени они считали себя хозяевами положения. Тауэр, крепкий лондонский замок, был в их руках. При встрече с молодым королем Уот Тайлер стал наступать на него с радикальными требованиями, ухватив за узды его коня. Но лондонский лорд-

раженная толпа предается на некоторое время разрушению. Но прежде чем она успевает прийти в себя и что-нибудь понять, силы, охраняющие существующий порядок, овладевают положением и усмиряют ее. Подавление восстания, распространившегося во многих графствах и направленного против дворянства, не принесло пользы Ричарду, а только поощрило аристократию, на стороне которой была победа, к новым жестокостям и усиленному самомнению. Король был слишком юн и слишком нерешителен для того, чтобы осуществить на деле те слова, которыми он смутил и обезоружил мятежников у Смитфилда. Он сказал им: «Следуйте за мной, люди мои, я сам буду вашим вождем», но ему было не под силу разобраться в том, что справедливого было в требованиях простонародья, и решительно проявить королевскую власть. Последовавшая реакция стала опасной даже для него самого. Во главе магнатов, стремившихся к ограничению королевской власти, находился младший из сыновей покойного короля, Томас, герцог Глостерский, и горожане, которым восстание Уота Тайлера тоже грозило гибелью, действовали теперь заодно с аристократией. Таким образом, снова начиналась рознь и борьба между притязаниями королевской власти и парламента. Ричарду II дали понять, что если он не станет править согласно внушениям парламента, то в воле последнего будет низложить его с народного одобрения и возвести на престол кого-нибудь другого из королевской династии. Однажды (1397 г.) Ричарду удалось укрепиться и отвергнуть предложенные ему невыгодные условия, но это продолжалось недолго. Его колебания восстановили против него всех, и когда его двоюродный брат герцог *Генрих Ланкастерский* вернулся в Англию из ссылки по соглашению с оппозицией, то потребовалось всего несколько дней для свержения непрочного престола. Генрих завладел самим Ричардом, не имевшим уже ни одного надежного слуги, заставил его немедленно созвать парламент, объявить себя перед этим собранием недостойным королевского сана и отказаться от престола. Ричард сам надел на руку Ланкастера свой перстень с королевской печатью. На следующий день, 30 сентября 1399 г., переворот завершился тем, что парламент, заседая в Вестминстере, признал короля отказавшимся от престола, то есть низложил его, причем, нарушив обычный порядок престолонаследия устранением лица, имевшего самые большие права, провозгласил королем герцога Ланкастерского под именем *Генриха IV* (1400–1413). Ричард умер в заточении в замке Понтефракт в 1400 г.

Высшее духовенство, с которым Ричард не ладил, не отказало Генриху в благословении и помазании, и новый король отблагодарил церковь тем, что помог ей подавить *ересь*, бурно развившуюся в Англии. Эти еретические стремления росли под влиянием человека, значение которого очень велико даже за пределами Англии, потому что он был первым, кто напал на основы



Печать Ричарда II.

Церков-
ное дви-
жение.

Джон
Уиклиф.

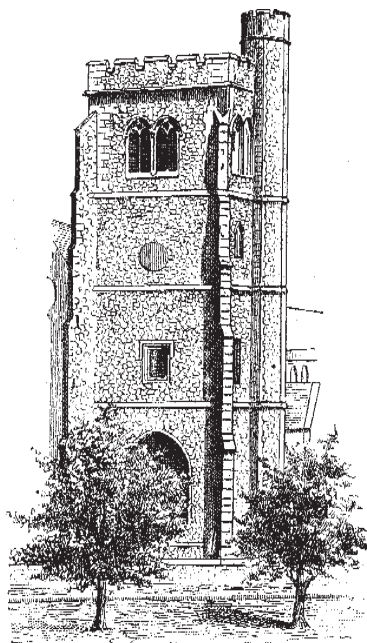


Генрих IV Английский. Статуя с его гробницы в Кентерберийском соборе.

церковной системы во всех ее проявлениях, и при этом с ясным, острым, вполне сознательным пониманием своей цели. Это был оксфордский профессор *Джон Уиклиф*, с именем которого связано развитие церковного вопроса, вступавшего, как и вопросы гражданский и политический, на новую почву, совершенно изменявшую господствовавшие до этого времени воззрения и начала.

Деятельность Уиклифа, самого выдающегося из провозвестников Реформации, составляла целую эпоху в том отношении, что он напал не на какие-либо отдельные стороны установленного церковного порядка, а подрывал основные положения римской церкви. Он родился в 1324 г. в одной из северных английских деревушек и провел большую часть своей жизни в Оксфорде, возглавляя там кафедру богословия. Когда его учение было отвергнуто Лондонским собором (1382 г.), он удалился в свой приход в Латтеруорте, где и умер в 1384 г. В своих богословских воззрениях он опирался на Августина, строгое понятие которого о предопределении: «Все совершается по неизменному начертанию Господню» привлекало его с силой, с которой он и впоследствии действовал на столь многие стойкие и светлые умы. Хотя его мысль вращалась лишь в круге схоластического учения, он вникал в смысл священного писания, которое перевел на английский язык с «Вульгаты», старинного, одобренного церковью латинского перевода, и в своих исследованиях о святых таинствах горячо восстал против того положения, которое служило главной опорой церковной власти и заключалось в учении о *пресуществлении*. Он называл ересью, богохульством такое истолкование, по которому претворенное вещество могло сохранять вид и вкус хлеба и вина, а священнослужитель — создание слабое и

тленное — мог одним своим словом совершать над ним чудодейственное таинство. С особенной и последовательной энергией он осуждал нищенствующих монахов, которых и без того недолюбливали в университете и которые были главными сторонниками существовавшей церковной системы. Ее извращение требовало коренной реформы, даже полнейшего переворота. Но кто же должен был произвести такое преобразование церкви, которое должно настать, «захочет ли того антихрист или нет»? Конечно, не папа: в папстве, каким оно было в то время, находилось первейшее и главное препятствие этому. Папство было для Уиклифа «антихристом» или его сильнейшим орудием. Но не сможет это сделать и собор: по мнению Уиклифа, призвание евангельской истины путем голосования составляло ложный принцип, противный разуму и божескому закону и придуманный дьяволом для омрачения людей. Скорее всего, начало этого должны были взять на себя *светские власти*, «*domini temporales*», считал Уиклиф, подкапываясь здесь и под другую основу церковной власти и становясь на ту почву, на которой полтора столетия спустя возникли протестантские форма и содержание церковной общины. Согласно церковному учению, развившемуся до окончательной формы, посвящение в церковнослужители составляло таинство, сообщавшее рукоположенному неизменное свойство, которое делало его членом особого, своеобразного, властвующего, священного сословия, — сословия, жившего по своим собственным уставам, под своим собственным началом и имевшего в своей сфере, к которой оно причисляло очень многое, если не все, безусловный перевес над мирянами. Уиклиф, напротив, своеобразно применяя первоначальное евангельское понятие о бедности, видит в правах духовенства лишь *милостыню*, которую община ему дает и которую она вправе отнять, если найдет его недостойным. Он некоторым образом приравнивает духовное звание к сменяемым должностям, делает мирян судьями над духовенством, причем оправдывает бывшие конфискации имущества духовенства и сожалеет о том, что больше четверти всей страны находится в мертвых руках: «Наш король владеет поэтому не всей Англией». По взгляду Уиклифа, владение землями и власть не приличествовали духовенству по смыслу христианства, которое он сам настойчиво толкует в духе «первоначального учения Христова», искаженного господствовавшей церковной системой. Из этого видно, что он восставал против всего механического и внешнего развития церковной жизни, против



Башня Лоллардов. XV в. Лондон.

индульгенций, преувеличенного чествования заслуг святых и разрешительных слов. Путем своеобразных заключений он сводит все эти внешние выражения «сообщения благодати» к той же философо-богословской ереси, с которой уже боролся по вопросу о причащении.

Реакция
при Ген-
рихе IV.

Нельзя не удивляться той ясности и последовательности, с которой этот одинокий богослов выступил с совершенно новым взглядом на христианское Откровение, в противоречие с всесильно господствовавшим учением, в то время как через полтора века немецкие и особенно швейцарские реформаторы дошли до того же, — в целом и в частности своей системы, — лишь после упорной борьбы и напряжения мысли. Учение Уиклифа, которое он окончательно систематизировал только за два года до смерти в своем «Триалогге», произвело сильное впечатление. Многие из знатных мирян покровительствовали ученому, правительство давало ему дипломатические и церковно-политические поручения. Он положил и практическое начало своей реформой, вызвав существование «бедных священников». Это были духовные лица, согласные с его учением, которые, основываясь на примере апостолов и боясь осквернить себя симонией, не принимали никаких бенефиций, а в простой одежде, не спрашивая разрешения церковного начальства, проповедовали Евангелие, странствуя с места на место. Церковная реакция, наступившая со времени Лондонского собора в 1382 г. и сильно обострившаяся в последующие годы, заставила считать последователей Уиклифа еретической сектой, и кентерберийский архиепископ Томас Арундел особенно горячо преследовал ее членов, прозванных «лоллардами». Одной из первых законодательных мер нового короля из дома Ланкастеров, находившего целесообразным поддерживать хорошие отношения с церковью, был парламентский акт «The comburendo haeretico», которым смертная казнь за еретичество превращалась в закон. Это произошло в стране, считавшейся наиболее хорошо управляемой и во всем опередившей другие страны, причем такая оценка имела веские основания, т. к. частные военные распри, игравшие такую роль на материке, особенно в Германии, здесь почти закончились, сменяясь действительно мирным состоянием края. Равенство прав, общее равенство всех перед законом достигло высшей степени развития и устойчивости. Но церковные обстоятельства во всей Европе были таковы, что никакой, самый суровый закон не мог подавить возраставшую оппозицию. Она могла замолчать лишь после принципиальной реформы церкви, и эта реформа сверху донизу стала лозунгом всех слоев общества. Едва наступило новое столетие, как требования реформы стали естественным выражением непреодолимого движения. Знаменательным было совпадение деятельности одинокого богослова, принципиально восставшего против основ тогдашней церкви, с разложением и загниванием этой церкви, ощутимыми как в верхних, так и в нижних слоях общества того времени.